

Молитвенное предстательство¹

Я попробую сказать о предстательстве то, что мне кажется важным, чтобы связать это понятие с жизнью. Для начала отмечу: в приходской практике, как и в общественной жизни, предстательство почти всегда понимают и осуществляют в форме молитвы, то есть благочестивого обращения к Богу, когда Его просят что-то сделать в ситуации, которая представляется полной боли или как будто требующей Его вмешательства. И очевидно, что суть такого обращения — предстательство.

Но мне кажется, что очень важно нам понять, — особенно в нашу эпоху, когда человеческая солидарность осознана всеми, когда понятие ответственного соучастия стало основоположным, — что предстательство начинается не в тот момент, когда мы обращаемся к Богу с молитвой, а чуть раньше, и начинается оно с готовности взять на себя ответственность.

Вероятно, все вы знаете, что латинское *intercedo*, «предстательствовать», не означает «молиться», но «сделать шаг», «вступить в сердцевину ситуации». Предстательствовать означает встать там, где конфликт, встать между двумя сторонами противостояния. И это очень важно, потому что только при таком условии наше предстательство имеет вес. Мы заняли ответственную позицию, и наша молитва состоит не в том, что мы изложили перед лицом Божиим какую-то нужду, — мы сами здесь, предстоим и готовы к тому, что наше присутствие окажется решающим или, во всяком случае, значительным.

С этой точки зрения есть большая разница между тем, кто делает такой шаг, ставящий его в сердцевину ситуации протеста, напряжения, насилия, и тем, кто готов стать посредником или попытаться найти условия компромисса. Посредник остается снаружи. Он пришел извне, он обладает объективностью равнодушия, он может оценить ситуацию и вместе с тем остаться вне ее. Он будет посредничать от одного к другому, пытаясь найти условия соглашения, а потом уйдет. Предстательство предполагает не такое отношение.

Образ, который мне приходит на ум, мы находим в Книге Иова, в конце девятой главы. Иов доведен до отчаяния, раздавлен тем, *что* его друзья говорят ему о Боге и чего он не может принять, потому что у него сыновнее сердце и он не может думать, будто Бог поступает просто по произволу. И в какой-то момент Иов восклицает: где же тот, кто встанет между мной и Судьей моим, кто положит руку свою на Его плечо и на мое плечо? (Иов 9:33). Вот в чем предстательство, вот чего ожидал Иов! Не того, кто со стороны или мимоходом попытался бы сблизить противостоящие стороны, а того, кто встанет в самую сердцевину ситуации и протянет руки к обеим сторонам, чтобы их соединить.

Этот образ мы видим осуществленным в истории через воплощение Христа. Он, Христос, пришел, встал в самой сердцевине этого безысходного противостояния, этого как будто неразрешимого конфликта. Он сумел встать в сердцевине ситуации, потому что в Нем сошлись оба элемента конфликта: Он человек и Он Бог. Он Сын Человеческий и Он Сын Божий. Он Слово воплощенное, полнота Божества во плоти, и конфликт разрешается в этой плоти, в которой обитает полнота Божества.

Но в этом исходе две стороны. С одной стороны, конфликт до конца разрешен во Христе в том смысле, что Он совершенный человек, и человек, не разлучившийся от Бога, свободный от греха. С другой стороны, этот конфликт поражает Христа в Его целостности, потому что в Своей человеческой плоти Он умрет из-за Своей двойной солидарности. Душа Его *скорбит смертельно* (Мк 14:34), Он повешен на кресте, Он отвержен из града человеческого и в

¹ Пер. с франц. по изд.: «L'Intercession». *La Vie Spirituelle*. 1988, t. 142, № 679. Rencontre interconfessionnelle, Neuvy s/Barangeon, 1970.

момент предельного ужаса, охватившего Его вследствие солидарности с падшим человеком, Он испускает крик отчаявшегося человечества: *Боже Мой, Боже Мой! зачем Ты Меня оставил?* (Мк 15:34).

Двойная солидарность и одновременно двойная оставленность, можно сказать — двойное отвержение. Это *двойная солидарность* — существенная черта акта предстательства. И поэтому христианское предстательство — выражается ли оно молитвой, обращенной к Богу, или действием, которое поставит нас в сердцевину конфликта, — совершенно непосильно. Оно не может быть понято извне, потому что ни Бог, ни христианин не выбирает сторон в этом противостоянии. Он един с тем и другим, принимает обоих. Он живет и умирает ради того и другого.

Ясно, конечно, что христианин не одинаково относится к жертве и к палачу, но ни жертва, ни палач ему не безразличны, и он не выбирает себе места рядом с жертвой, проклиная палача. Он умирает вместе с жертвой и, как Христос с высоты креста, возносит молитву к Отцу: *прости им Отче! они не знают, что делают* (Лк 23:34).

Эта двойная солидарность составляет суть дела, потому что предстательствующий, который принимал бы только одну сторону, молился бы: «Господи, помоги этому и отвергни того», не учитывая тем самым проблему спасения того, кто неправ, того, кто сделал выбор против Бога и против брата. Такая молитва не была бы молитвой подлинного предстательства.

Разумеется, в жизни мы делаем выбор: наше сердце влечется к одним и закрыто для других. Но поскольку наше сердце совершенно закрыто, а наш выбор означает исключение, отвержение «другого» *во тьму внешнюю* (Мф 8:12) еще прежде Суда Божия, поскольку мы молимся *против* «другого», тогда как должны были бы молиться *за* него, мы остаемся вне положения, которое выбрал Христос. Тогда нам следует поставить себе вопрос, насколько наша предстательская молитва подлинна и цельна, в какой мере она отвечает духу Христову.

Вот что в основе: христианин встает в ситуацию, связывается с ней, принимает на себя ответственность, и это должно быть сделано полностью, до конца. Мы не вправе войти в ситуацию и оставаться в ней, лишь пока она терпима. Христос стал человеком однажды и навсегда. Он не совлекся Своего человечества в момент смерти на кресте (как считали докеты²), и после Своего Воскресения Он не вернулся в положение, которому человек не причастен. Христос остается Словом Божиим воплощенным, и Его преображенное тело воскресения возшло на небо со следами ран от Страстей. Это мне кажется чрезвычайно существенным.

Но это присутствие может осуществляться по-разному, в зависимости от ситуаций, применительно к данной трагедии или к той нужде, которая требует вмешательства. Первый пример: брак в Кане (Ин 2:1—11). Мы привыкли к этому евангельскому рассказу, и нас не поражает больше его нелогичность, потому что при первом чтении, еще без веры, без привычного нам благочестивого подхода к чтению слова Божия, этот рассказ должен бы задержать наше внимание, поставить нам проблему.

Вот что происходит. Господь, Его Мать, ученики, гости званы на бедную деревенскую свадьбу. Все сделано, чтобы радость была совершенна. И, однако, сердца еще жаждут радости, еще не переполнились радости, а пир кончается: вина больше нет! И тогда Божия

² Докетизм (от греч. δόκεω — «кажусь») — направление в христологической мысли, возникшее в первоначальном христианстве и утверждавшее, что телесность Христа, в том числе Его крестные страдания, были лишь кажущимися, призрачными. Учение получило наибольшее развитие в гностицизме и традиционно считается самым враждебным христианству из возникших в его недрах ересей или образовавшихся вокруг течений. Против докетов выступали многие ранние отцы Церкви, в том числе Игнатий Антиохийский, Иринея Лионский, Ипполит Римский и др.

Мать обращается к Своему Божественному Сыну и говорит: *вина нет у них*. Что Ее заботит? Неужели все дело в том, что Она надеется, что Ее Сын сможет умножить вино, что пир продолжится дальше и в конечном итоге все упьются и заснут тут же, на месте? Неужели этого мы ожидаем от первой просьбы, молитвы Матери Господней? Вино ли в центре проблемы?

Конечно же, нет! Дело в полноте жизни, преизбытке жизни, образом чего в Священном Писании является вино. Здесь надо вспомнить параллель, которую мы находим между вином и его действием и действием Духа в первое событие Пятидесятницы. Ученики выходят к народу полные вдохновения, внутреннего подъема, в таком вдохновении и радости, что толпа недоумевает. И в качестве объяснения высказывается мнение: *они напились сладкого вина* (Деян 2:13).

Вернемся к событиям в Кане. Дальше происходит странный разговор: *Что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой*, — говорит Христос. В каком-то смысле Мать ничего не отвечает, как будто уходит от вопроса. Она ничего не говорит Христу. Она обращается к ученикам, к слугам и говорит им: *что скажет Он вам, то сделайте*. И как бы опровергая только что сказанное Им, Христос повелевает наполнить сосуды водой, благословляет их и посылает распорядителю пира эти сосуды, полные вина Царствия.

Что произошло в этот момент? Разумеется, можно сказать — и такое толкование сделать очень легко, — что текст был искажен, что в нем, возможно, не хватает одной фразы; весь текст ненадежен, если его переписать так, как написали бы мы, он станет совершенно ясным. Но отцы Церкви, люди духоносные подходили к вопросу иначе, и вместо того чтобы ставить под вопрос текст, они ставили под вопрос слишком упрощенное его понимание. И вот как можно его прочесть, основываясь на ряде древних писателей.

Первый вопрос означает: что, Жено, общего между Тобой и Мной? Почему Ты обращаешься ко Мне с просьбой об этом чуде? Потому ли, что Ты Моя Мать по плоти, самый близкий ко Мне человек на этом празднике? Это ли дает Тебе доступ и права, которых другие за собой не чувствуют? Если так, если Наша близость только по плоти, Мой час не пришел, Мы остаемся в плане естественных отношений, Мы не на уровне благодати, не на уровне веры, не на уровне Царствия уже пришедшего в силу, эсхатологическом уровне, который означает, что будущее уже присутствует и что настоящее уже раскрывается в меру вечности.

И Мать дает ответ. Она не обращается к Сыну, потому что так легко ведь дать ответ на словах. Она обращается к слугам и совершает *действие совершенной веры*, которое относится не к Сыну Ее по природе, а к Сыну Божию, Которого Она носила и родила. *Что скажет вам, то сделайте*, — говорит Она. И в то мгновение, когда совершен этот акт веры, час Господень настал. Вода омовения становится вином Царствия. Действием совершенной веры создаются условия Царствия: Бог может свободно вступить и действовать, потому что человек открывает Ему путь.

Есть еврейская поговорка, которая гласит: Бог везде, куда Его впускает человек. Объективно да, Бог везде. Он всемогущ. И, однако, Он нам дал свободу. Он призвал нас быть Его спутниками в вечности, Он призвал нас быть Его соработниками, сотрудниками в построении Царствия. Но Он не навязывается. Если взять образ Священного Писания, Бог стоит у нашей двери и стучит (Откр 3:20). Но Он войдет, только если Ему откроют.

Вот первое и чрезвычайно важное положение, потому что оно определяет глубинное значение нашего присутствия — не какого-то определенного поступка, а просто того, что наше присутствие как христиан в какой бы то ни было ситуации может оказаться — в силу акта веры, который мы можем совершить, по призыву Господню, по заповеди Церкви, — началом преобразования этой ситуации.

Возможно, некоторые из нас не раз, оказавшись в ситуации порой острого конфликта, охватившего не только отношения людей, но и самую их жизнь, исчерпав все доводы и

будучи не в состоянии восстановить мир, который Один только Бог может дать, уходили в свои глубины и зывали: «Господи, по-человечески я больше ничего не могу сделать, но как человек, как христианин я стою перед Тобой и призываю Тебя: приди, Господи! Приди, и пусть Твое присутствие принесет мир, принесет примирение, сокрушит всякое противление. Пусть Твое присутствие, как свет, которого тьма не может принять, но не может и заглушить, рассеет сколько-то эту тьму. Пусть Твое присутствие отгонит бесов, вступи явственно, даже если те, кто ощутит Твое присутствие, не смогут его опознать как таковое».

И тогда наша роль — просто быть тем, чье обращение с верой дает возможность Богу вступить в некую ситуацию. Не объективно присутствовать как Творец, как Судья, а войти как Спаситель, лично соприкоснуться в наших глубинах с тем, что самое в каждом из нас истинное, самое подлинно человеческое.

Предстательство действием и молитвенное предстательство неразделимо связаны: мы можем приносить молитву, потому что мы здесь, присутствуем. И, скажу еще, глядя на образ Христа воплощенного, Господа распятого, что молитва становится полноценной, полновесной, если мы готовы нести все последствия своего стояния до конца, добровольного и деятельного, которое составляет наше предстательство или подкрепляет нашу молитву.

Я хотел бы дать несколько примеров; может быть, они помогут понять еще некоторые моменты. Первый пример должен показать, что в нашем современном мире, в нашей конкретной человеческой ситуации слова апостола Павла о любви сохраняют всю свою ценность: даже если мы проливаем свою кровь, но не имеем любви, это сделано впустую (1 Кор 13:1—8). Главное в мученике — не кровь, а неизменная, не изменяющая любовь. Дело не в тиграх и львах. Многие люди погибали, растерзанные хищными зверьми, но только те, чья смерть была проявлением милосердной любви, то есть любви к Богу и любви к людям, погибли мучениками в основном смысле этого слова, мѣсѣхт, то есть свидетелями.

Вот первый пример. В 1923 году в Петрограде проповедует молодой священник. Его арестовывают за проповедь Евангелия, сажают в тюрьму, допрашивают, пытаются, бьют, через несколько месяцев выпускают. Он попал туда молодым человеком, полным силы, жизни и энергии, он вышел из заключения седым, разбитым стариком. Близкие окружают его и спрашивают: «Что осталось от тебя после этих месяцев?» И он отвечает: «Страдание выжгло все. Осталось одно — любовь». И во имя этой любви, того единственного, чего не могло одолеть страдание, он продолжал проповедовать среди тех самых людей, которые его предали и выдали, и через какое-то время умер в лагере.

Вот пример, очень простой, человека, который захотел быть присутствием — присутствием, полным любви. И он не стал задаваться вопросами о том, какие последствия это присутствие, это предстательство может иметь для него, он был готов заплатить дорогой ценой за спасение других. Через его слово, его любовь другие пришли к жизни, *он* от этого умер. Не об этом ли так часто говорит апостол Павел: *мы каждый день умираем* (1 Кор 15:31)?

Другой пример, уже не из русского опыта, а из опыта нацистских концентрационных лагерей. Об этом сообщалось вскоре после войны в немецкой газете. После ликвидации одного из лагерей американскими войсками там в бараке нашли кусок оберточной бумаги, на которой была записана молитва; я вам передам сущность ее. Там говорилось: «Господи, когда Ты придешь во славе, вспомни не только людей доброй воли, вспомни и людей злой воли. Но вспомни тогда не их жестокость, насилие, грубость. Вспомни плоды, которые мы принесли благодаря тому, что творили они. Вспомни терпение одних, мужество других,

чувство товарищества, смирение, величие духа, верность, которую они пробудили в нас. И пусть, Господи, плоды, которые мы принесли, послужат когда-то их искуплению»³.

Это слова немецкого еврея, который был заключенным этого лагеря и там погиб. Он принес то свидетельство, которое, согласно этимологии, следовало бы назвать *предстательством*. Разумеется, он не по собственному выбору попал в лагерь. Но в тот момент, когда Бог, провидение его туда послало, он выбрал быть свидетелем Божиим, быть спасительным присутствием, потому что, по словам Жана Даниелу, невинная жертва получает поистине божественную власть прощать.

Еще пример. Федор Тимофеевич Пьянов, человек, который оказал некоторое влияние на мое видение вещей, когда я был молод, во время оккупации был отправлен в концентрационный лагерь за участие в Сопротивлении. Он вернулся оттуда спустя четыре года. При встрече я поставил ему вопрос: «Что вы вынесли из лагеря?» И он ответил: «Тревогу». — «Неужели вы хотите сказать, что потеряли веру?!» — «Нет, но пока я был в концентрационном лагере, пока я сам был предметом жестокости, я мог в любую минуту по образу Господа и в Его имя простить. Я мог сказать: „Прости им, Господи, они не знают, что делают!“ И поскольку я на себе испытывал их жестокое обращение, я был уверен, что Бог принимает мою молитву за них. Теперь я больше не страдаю. Но они-то ведь когда-то станут перед Судом Божиим. Они не представляют, что их ждет. А я? Как мне теперь доказать Богу искренность моей молитвы за них, когда я свободен от всякого страдания?» Вот еще пример ответственного предстательства, выразившегося в молитве.

И наконец, вот поступок, который сам является молитвой, никак специально не сформулированной. Одновременно с человеком, о котором я только что говорил, русская монахиня, мать Мария Скобцова, была арестована и увезена в концентрационный лагерь. Она оказалась в Равенсбрюке с женщинами, приговоренными к уничтожению. Одна из них билась в отчаянии. Она была молодая, уже истощенная, умирающая — и, однако, не хотела умирать. И тогда мать Мария, которая на протяжении всех этих лагерных лет говорила союзницам о том, что верит в вечную жизнь, что смерть — не последнее слово, ей можно смотреть в лицо, что смерть — дверь, открывающаяся на вечность, сказала этой молодой женщине: «Не бойся! Я тебе докажу, что смерти нечего бояться — я пойду с тобой на смерть». И свободной волей она пошла в газовую камеру с группой этих осужденных женщин. «Свободной волей» в том смысле, что она не была включена в эту группу, но пошла вместе с этой молодой женщиной, которая перестала рыдать и успокоилась на основании уверенности, которую воплощала мать Мария.

³ Полный текст молитвы: «Мир всем людям злой воли! Да престанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию. Преступления переполнили чашу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников. Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости, Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать с них страшную расплату. Воздай им иначе! Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли, мужество, духовную силу мучимых, их смирение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, осушавшую слезы, их любовь, их истерзанные, разбитые сердца, оставшиеся непреклонными и верными перед лицом самой смерти, даже в моменты предельной слабости. Положи все это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов, как выкуп, ради торжества праведности, прими во внимание добро, а не зло! И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула их преступных страстей. Ничего большего мы не хотим от них. А когда все это кончится, даруй нам жить как людям среди людей, и да возвратится на нашу исстрадавшуюся землю мир — мир людям доброй воли и всем остальным». «Школа молитвы», с. 18—19.

Вот поступок. Вот свидетельство. Но это также деятельное предстательство в самом сильном смысле слова. И, несомненно, эта монахиня, которая отдавала свою жизнь после сложного и трагического жизненного пути, посвященного служению Единому Богу и служению людям, молилась на этом последнем пути. Она молилась, когда им приказали снять одежду, когда рядом с этой девушкой ждала смерть, куда та входила вместе с ней, рука об руку, в мире, который Господь ей ниспослал благодаря матери Марии.

Я настаиваю на этом аспекте предстательства, потому что в наше время молодым, да и не только молодым, людям представляется, что невозможно приносить молитву за других, не связанную никакой ответственностью и далекую от человеческой трагедии. И возможно, в определенной среде болезненно переживается понятие Евхаристии и ставятся вопросы по этому поводу.

Евхаристия — великий дар благодарения, который мы приносим Господу. Как можем мы предлагать его Богу, в то время как окружены ужасами нашего мира, его жестокостью, его грубостью, его безразличием, которое порой тяжелее переносить, чем грубость? Можем ли мы говорить: «Господи, благодарим Тебя за все! Благодарим Тебя не только за Твои явные благодеяния, но и за то, в чем мы не умеем уловить благотворную ценность»? Ведь это означает, что мы говорим: «Господи, мы Тебя благодарим за страдание, как и за радость, за смерть, как и за жизнь, за человеческую трагедию, как и за ее преобразование».

Этим вопросом, возможно, многие верующие и не задаются, потому что погружены в своего рода безмятежное литургическое сознание. Но этот вопрос мне был поставлен студентами богословской школы в России со всей резкостью и определенностью, какие эти вопросы имеют там. Они говорили: «Мы не сомневаемся в законности такой молитвы, этой благодарности, но как ее обосновать, если нам будет поставлен этот вопрос? Потому что большая разница — чувствовать в своих глубинах правду какой-нибудь ситуации и уметь внешне выразить эту правду, дать хотя бы ощутить, если не сделать ее понятной другим». Я с тех пор задумывался над этим, и мне кажется, что даже из сердцевины самой ужасной трагедии мы можем продолжать возносить благодарственные молитвы Богу, но при условии, что верой, надеждой, любовью, превосходящей человеческую, такой любовью, которую нам подает Дух Святой, собственным опытом Царства Божия, пришедшего в силе, мы способны *видеть* одновременно теперешний ужас и его разрешение в будущем веке.

Если мы способны изнутри собственного опыта, а не просто по расплывчатому легковерию повторить слова, которые в книге Откровения произносят те, кто претерпел великую скорбь: *Ты был прав, Господи, во всех путях Твоих* (Откр 15:3), если мы можем произнести это совершенно честно, с полной уверенностью веры — потому что вера это прежде всего уверенность, — тогда мы можем совершать Божественную литургию, полную благодарения, можем приносить эту молитву. Но не иначе.

Но есть еще одно дополнительное условие: от нас требуется быть готовыми на ответственное соучастие. Мы способны на него, если по солидарности — действенной, реальной, а не только эмоциональной — соглашаемся встать ответственно в самой сердцевине конфликта, в самой глубине трагедии, там, где сильнее всего страдание и противостояние. Если мы там же, где Христос распятый, в Своем смертном борении будто оставленный Богом, переживает на кресте одиночество мира, отпавшего от Бога. Если мы не там и, однако, осмеливаемся благодарить Бога за все, что происходит в мире, за все, чему Он попустил случиться, мы подпадаем под суд мира, который нас осудит и отвергнет. Но мы подпадаем и под суд Божий, потому что Бог не остается вне трагедии сторонним наблюдателем: Он-то вступает в сердцевину трагедии.

Вспомните рассказ о буре на озере Геннисаретском (Мф 14:22—33), когда ученики увидели, как Христос идет по разъяренным волнам, среди бушующего ветра. Они вскричали от страха, потому что не поверили, что это может быть Бог. И, однако, когда Петр

попросился идти к Нему, Христос позвал его, и Петр тоже смог идти по бушующим волнам. Только он вспомнил о себе — и начал тонуть.

Наше место — именно там, где Христос, в сердцевине трагедии, там, где самое яростное противоборство: где Сын Человеческий изнемогает, и где Сын Божий отвергнут, присужден к смерти человеком, потому что то, что Он говорит, человек принять не может по естеству. Если мы на этом месте, тогда наше предстательство может полностью слиться с предстательством Христа. Тогда мы становимся Церковью в полном смысле слова: сердцем Христа, присутствием Христа на протяжении истории, через время и пространство; мы становимся тем, чем призваны быть: храмами Святого Духа. Не только местом, где Дух Святой покоится, но местом, которое блистает Его присутствием и действием. Мы исполняем тогда свое христианское призвание: через нас, нами Бог присутствует и действует.

Но тогда встает проблема — проблема молитв предстательства, которые не могут быть ограничены нами, но должны вплестаться в полноту предстательства Христова. Наш отчаянный крик — это вопль человечества, но человечества еще не исцеленного и не преображенного: «Господи, помилуй! Пощади! Господи, не отяготи на нас руку Твою!» Это вопль, из-за которого мы, в каком-то смысле движимые земным, плотским состраданием и жалостью, говорим: Господи, *доколе?*

Здесь парадокс — парадокс Церкви, где мы одновременно *in patria* (в отечестве), в Царстве, уже пришедшем в силу, и *in via*, на пути к завершению, к исполнению всего, что составляет наше призвание.

В Церкви присутствует двойная реальность, сама Церковь является предметом веры, о чем говорится в Символе веры. Только верой мы познаем Церковь во всем ее размахе, в ее глубине, когда тварное вырастает в меру Божественную и Божественное начало — через воплощение Сына Божия — пронизывает все, вплоть до сердцевины истории и всей твари. В этом отношении наше предстательство есть и должно быть предстательством Христа. Но в другом отношении Церковь есть реальность историческая, общественная. Она — человеческое общество в становлении. Это имел в виду святой Ефрем Сирийский, когда говорил, что Церковь не есть собрание праведников, уже достигших святости, а толпа грешников на пути к спасению, покаянно сознающих свою греховность.

И в этом плане в Церкви присутствует человеческая хрупкость, и отзывчивость к страданию, и просто человеческий крик, зов, который Бог тем не менее принимает, потому что он выражает одновременно то, что мы — неотъемлемая часть вселенной и солидарны со всем человечеством, и, вместе, он выражает меру любви, милосердия, милосердной любви, которой мы достигли. Это стенание, этот вопль может быть выражением, знаком того, что мы достигли всей доступной нам мудрости, которую Дух посылает в сердца тех, в ком Он обитает без ограничений, и уже выражает *воздыханиями неизреченными* (Рим 8:26), которым мы порой умеем придать лишь крайне недостаточную форму, призыв христианина: «Гряди, Господи! Господи, восстанови единство, гармонию, цельность, полноту Жизни! Это мои слова, но Ты, Господи, сокруши внешние формы моей молитвы, пусть останется только ее дух. Да будет воля Твоя». Но пусть я ее приму не пассивно, не так, как мы ее принимаем, поскольку не можем противиться воле Божией, но отзываясь вольной волей, потому что мы видим в воле Божией исполнение, полноту, поднимающуюся зарю, сияние вечной жизни, даруемой тем, в ком жив творческий дух. И тогда мы можем сказать: «Да, Господи, пусть свершится Твоя воля, потому что она благая и потому что это единственное, чего я желаю, к чему стремлюсь во всех моих исканиях, при всем моем несовершенстве, всех моих блужданиях».

Я надеюсь, что это свидетельство о предстательстве изнутри жизненных человеческих ситуаций нашего времени позволит остро, по-новому понять, что Бог всегда современен, что Бог никогда не остается в прошлом. Что и в наше время, в любых ситуациях, мы можем

стоять перед Ним, никогда не теряя связи с современностью, но внося в нее новое измерение, которого не может дать ничто на земле. Только Бог может внести в него Свое измерение вечности, которое — и только оно — дает смысл и глубину тому, что иначе плоско, непрозрачно, тяжеловесно и не может соединиться с Нетварным.